

Шлеп!

Баоцзы-Сиши не выдержала удара и боком упала на кровать. Прижимая ладонь к правой щеке, она заплакала:

- Я не говорила, правда не говорила! Это он, тот мерзавец из семьи Цзи, очернил мое имя! Братец Цин, ты должен мне верить!

У ее кровати стоял высокий, крепко сложенный мужчина. Один его вид напоминал стену, загородившую проход. Черты лица у него были свирепыми: уголки рта опущены, маленькие глаза чуть прищурены. Когда он смотрел на человека, то походил на голодного волка. Баоцзы-Сиши дрожала от одного этого взгляда и изо всех сил сжималась в комок.

Лю Цин рывкнул, шагнул вперед, схватил Баоцзы-Сиши за длинные распущенные волосы и дернул. От боли она едва не потеряла голос, лицо побледнело, по коже покатился холодный пот. Но поднять глаза на мужчину она не посмела.

- Он еще на улице сказал, что я ни на что не гожусь? - Лю Цин оскалился, отпустил ее волосы и сжал подбородок Баоцзы-Сиши до красноты. - Что, я тебя, шлюшку, не устраиваю, так тебе другого мужика подавай?

Баоцзы-Сиши всхлипнула:

- Братец Цин, все эти годы я была с тобой и никогда не сближалась с другими мужчинами. Ты ведь знал только о том деле с Цзи. Он с тобой не поладил, вот и вымещает злость на мне. В прошлый раз ты его избил так, что он слег, а теперь он сорвал на мне обиду и наговорил всякого. Я ни в чем не виновата, ты должен мне верить...

Лю Цин тяжело дышал, но не отвечал. Дослушав Баоцзы-Сиши, он одной рукой похлопал ее по щеке и с усмешкой сказал:

- Мальчишка по фамилии Цзи посмел лезть на рожон. В следующий раз увижу - пусть и не мечтает три месяца с кровати подняться!

Баоцзы-Сиши обрадовалась, решив, что дело на этом закончится. Но тут раздался треск ткани, грудь обдало холодом: Лю Цин уже разорвал ворот ее одежды и одной рукой прижал ее к кровати.

- Фамилия Цзи - это одно, а то, что ты выставила меня посмешищем перед братьями, - другое. Сю Фэнь, неужели ты решила, что раз я все эти годы был к тебе добр, то стал мягкотелым? - Лю Цин зло прищурился и, не дав Баоцзы-Сиши сказать ни слова, снова ударил ее по второй, еще целой щеке.

Очень скоро обе щеки Баоцзы-Сиши распухли и горели огнем. Но ей было уже не до этого: она в ужасе смотрела, как Лю Цин забирается на кровать.

Разве это близость? Настоящая пытка.

- Братец Цин, братец Цин, пощади меня, я больше не посмею... - Она в страхе отчаянно мотала головой и пыталась отползти назад. Но кровать была невелика, куда ей было деваться?

Вскоре тяжелое тело Лю Цина навалилось на нее, и в комнате снова послышался звук рвущейся ткани.

Из уголка глаза Баоцзы-Сиши скатилась слеза. И лишь когда резкая боль снова и снова прошла по телу, в ее потухших глазах постепенно проступила ненависть.

...

Цзи Вэй, сидевший на корточках и делавший замеры, чихнул. Лю Имянь, помогавший рядом, обеспокоенно посмотрел на него:

- Братец Цзи, вы не перегрелись?

Солнце стояло высоко. Цзи Вэй весь день бегал туда-сюда, трудился без передышки и как следует не отдыхал. Если его и правда прихватит жаром...

Лю Имянь придавил чертеж камнем, поднялся и сказал:

- Лучше я сварю отвар из маша. Подержу его потом в колодезной воде, а когда закончите работу, сможете выпить.

Цзи Вэй только хотел сказать, что никакого теплового удара у него нет, но Лю Имянь уже убежал в дом и ловко присел у очага, разводя огонь.

Несколько дней назад Цзи Вэй ходил на Южную улицу покупать четыре драгоценности кабинета, принес домой «Лунь юй» и «Ши цзин» и велел Лю Имяню в свободное время читать и упражняться в письме. После этого взгляд, которым Лю Имянь смотрел на него, явно изменился. Если прежде в нем оставались страх и робость, то теперь была только благодарность, будто он готов стать для Цзи Вэя хоть быком, хоть лошастью. Каждый раз, видя это, Цзи Вэй невольно вздыхал про себя.

Грех же какой. Ему всего пятнадцать, почти ребенок. В хорошей семье его бы берегли, учили грамоте и не заставляли таскать воду и дрова, тем более терпеть все эти мучения.

Цзи Вэй просто хотел относиться к Лю Имяню лучше и хоть как-то возместить тот вред, который прежний владелец тела причинил юноше. Но он не хотел, чтобы Лю Имянь считал его благодетелем и из-за этого просто перечеркнул прошлое.

Цзи Вэй покачал головой, чувствуя жалость.

Однако вскоре он собрался с мыслями, измерил расстояние и камнем прочертил на ровной земле квадрат. Затем смешал сваренный клейкий рисовый отвар с известью, сперва залил на землю слой известкового раствора, а когда он полностью подсох, начал ряд за рядом закреплять синие кирпичи.

На высоте примерно двух чи от земли Цзи Вэй сделал каркас из деревянных брусков, которые нарубил из привезенных от семьи Чжан балок, а сверху уложил доски, кирпичи и известковый раствор.

В конце он использовал глину, песок и солому, чтобы вылепить арочный свод, оставив посередине отверстие примерно в один квадратный чи. Почти через два часа хлебная печь была готова.

Уставший и весь в поту, Цзи Вэй осел на землю и уставился на только что сложенную хлебную печь. Наверное, за все тридцать один год прошлой жизни это было одно из самых приятных дел, которые ему доводилось завершать собственными руками.

Именно с этой печи мог заново начаться его путь в западной выпечке. Это совершенно новый мир. Кто знает, может, он станет здесь основателем целой школы и познакомит людей этого времени с западными десертами?

Стоило ему подумать об этом, как сердце начинало биться быстрее. В прошлой жизни это было его стремлением, и, похоже, в этой жизни оно тоже должно было стать делом всей его жизни.

Цзи Вэй медленно лег на землю, глядя в небо, окрашенное закатом в красный цвет. Сердце в груди колотилось, в ушах звенело, а радостное возбуждение поднималось изнутри и заставляло все тело гореть.

Как же хорошо.

Цзи Вэй не удержался и рассмеялся.

Его смех перепугал Лю Иманя, который готовил в доме. Тот быстро выбежал наружу, увидел Цзи Вэя на земле и поспешил помочь ему подняться.

Цзи Вэй мягко сжал ладонь Лю Иманя, поднялся, позволил юноше стряхнуть с него пыль и с наслаждением потянулся.

- Мяньмянь, дома осталось немного свиной грудинки?

Он вспомнил, что позавчера купил три цзиня мяса на ребрах и один цзинь грудинки. Вряд ли они успели все съесть.

Лю Имянь кивнул:

- Хотите сегодня жареное мясо?

Как раз были куплены картофель и перец. Если пожарить их с грудинкой, получится и сытно, и ароматно.

- Достань ее. Потом приготовлю тебе кое-что вкусное.

Увидев загадочный вид Цзи Вэя, Лю Имянь вспомнил мастерство, которое тот показал в последние дни. Он невольно сглотнул и, покраснев, побежал к колодцу. Оттуда он поднял ведро с отваром из маша и полосками свиной грудинки, которые охлаждались в колодезной воде.

Он поднес холодный отвар Цзи Вэю. В него добавили сахар, напиток был прохладным, свежим и чуть сладким, хорошо утолял жажду.

Цзи Вэй выпил все одним махом, вытер уголок рта рукавом и довольно поблагодарил юношу, стоявшего рядом. Увидев, как тот покраснел и не знает, куда деть руки, он не удержался и рассмеялся.

- Мяньмянь, Мяньмянь, ну почему ты такой милый?

Цзи Вэй ласково взъерошил Лю Иманю волосы, ущипнул его за щеку и с притворной тревогой добавил:

- Худоват. Надо откормить.

Лю Имянь покраснел еще сильнее и на негнущихся ногах пошел за Цзи Вэем на кухню.

Цзи Вэй увидел, что котел на плите уже вымыт, и похвалил Лю Имяня:

- Но сейчас он не понадобится. Попробуем хлебную печь, которую я только что сложил.

Форма у этой штуки была странная. Даже после объяснений Цзи Вэя Лю Имянь все равно плохо понимал, как ею пользоваться. Услышав, что скоро увидит все своими глазами, он немного оживился.

Цзи Вэй промыл грудинку в воде, мелко нарезал перец, смешал его с солью и равномерно обвалял в этой смеси полоски мяса. Потом нашел маленькую баночку меда, купленную недавно, развел мед холодной кипяченой водой и смазал им мясо.

Пока полоски мариновались, он поджег пучок сухой соломы и развел огонь в хлебной печи. Когда жар внутри поднялся, он уложил замаринованные полоски грудинки на деревянную дощечку, отправил их в печь и закрыл отверстие.

Из дымохода повалил густой дым. Цзи Вэй оттащил Лю Имяня чуть подальше и, скрестив руки, с удовольствием принялся любоваться плодом своего дневного труда. Чем дольше смотрел, тем больше был доволен. Еще не пробовал, а уже казалось прекрасным.

- Мянмянь, ждешь?

Сейчас на красивом лице Цзи Вэя было написано нетерпение, совсем как у мальчишки, который ждет похвалы.

- Братец Цзи, вы правда самый умелый человек из всех, кого я встречал, - Лю Имянь поборол смущение и посмотрел на Цзи Вэя. В его больших черно-белых глазах было полно восхищения.

Ему стало так тепло и полно на душе, будто он досыта наелся и хорошо выспался. Даже если бы сейчас небо рухнуло, оно не смогло бы развеять это счастье.

Лю Имянь слегка нахмурился и тихо сказал:

- Должно быть очень вкусно.

Цзи Вэй от такого взгляда даже немного смутился и кашлянул:

- Еще четверть часа. Не будем просто ждать, пожарим картофель.

Так называемые «ямсы» здесь на деле были картофелем.

Вероятно, он попал сюда из заморских земель. Картофель легко выращивать, стоил он дешево и хорошо насыщал, поэтому простые люди его очень любили.

Очистив кожуру, Цзи Вэй острым ножом нарезал картофель ровной тонкой соломкой и разогрел сковороду на вытопленном свином жире. Сначала бросил сушеный перец и обжарил до аромата, потом быстро отправил туда картофельную соломку. Она была нарезана очень тонко, поэтому после добавления уксуса, сахара и соли быстро дошла до готовности и отправилась на тарелку.

Желтая картофельная соломка и ярко-красные полоски перца смешались с кислым ароматом так, что от одного запаха хотелось сглотнуть.

К вечеру во дворе потянул легкий ветерок, как раз подходящий для ужина в прохладе. Пока совсем не стемнело, они вынесли во двор стол, стулья, миски и палочки.

Хлебная печь горела полную четверть часа. Несколько не слишком толстых деревянных обрезков почти догорели, оставив одни искры, и огонь вот-вот должен был погаснуть.

Цзи Вэй осторожно сдвинул маленькую дощечку, закрывавшую отверстие. Простоватый, первобытный запах угольного жара, смешанный с ароматом запеченной свинины, тут же вырвался наружу и быстро разошелся по двору.

В этом запахе была легкая сладость, немного остроты и больше всего - густой мясной аромат. В месте, где свинина была дорогой и редкой, от такого запаха слюнки текли сами собой.

Цзи Вэй обернул руки тканью и вынул деревянную дощечку.

В тусклом свете наконец стало видно, как выглядят полоски свиной грудинки, запеченные в хлебной печи.

<http://bllate.org/book/17814/1691578>